

18+

Владимир Дергачев



Больница и другие рассказы

Владимир Дергачев

**Больница и другие рассказы**

«Издательские решения»

**Дергачев В.**

Больница и другие рассказы / В. Дергачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984205-3

Наша память обладает странным свойством пробуждаться неожиданно, спонтанно. Некогда произошедшее начинает осмысливаться иначе, что-то кажется не таким неприглядным, как представлялось поначалу, а где-то начинаем корить себя за неверный шаг, недостойную выходку. Вот об этом и хочется поговорить с читателем.

ISBN 978-5-44-984205-3

© Дергачев В.  
© Издательские решения

# Содержание

Странный сон	6
Дневной гость	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

# **Больница и другие рассказы**

**Владимир Дергачев**

© Владимир Дергачев, 2025

ISBN 978-5-4498-4205-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Странный сон

Ему часто снился этот странный сон. Над отрезком старого шоссе, по которому раньше шёл основной поток машин, и заброшенному после строительства новой автомагистрали, вдруг появляется тарелка. Она выписывает невероятные кренделя, конфигурация всё время меняется, потом аппарат исчезает. Говорили, что в этом месте действительно что-то видели, и довольно часто, что место гнилое, нехорошее. Когда-то здесь шёл московский тракт, вроде даже останавливался Иван Грозный по пути в Александровскую Слободу и обратно, потом в соседней деревне поселились лихие люди, со всех проезжавших брали дань. Так и закрепилась за ним дурная слава, называли их Кашеями, отсюда и деревня – Кашеевка.

Но в этот раз – то ли сон, то ли явь. Да и было это в другом месте, среди каких-то развалин, похожих на древнеегипетские. От огромного валуна вдруг отделился гигант, может он, может – она. Стало страшно, но гигант вдруг уменьшился в размерах, и превратился в почти обычного человека, только было в нем что-то неестественное. Что именно – стало ясно сразу: плоти не было, одна оболочка. Димка быстро схватил свой новый цифровой фотоаппарат и сделал пару снимков, тут же просмотрел. На дисплее никого не было. Испугавшись, он страшно закричал, но существо глядело на него, не выказывая никаких эмоций. Крик прервался.

– Вы – откуда? – Вопрос даже не прозвучал, просто телепатировался. Ответа не последовало, да и не было в этом необходимости. Он опять закричал, опять безрезультатно.

Вдруг оба оказались в какой-то комнате, здесь существо чувствовало себя вполне комфортно. Было видно, что обстановка для него вполне привычная, как, впрочем, и для Димки, хотя и оказался он здесь впервые.

Существо начало куда-то звонить, и тут до Димки дошло – это же шанс! Он всё понял. Из головы уже много лет не шёл тот таинственный звонок – к сожалению, трубку взяла жена, связь была плохой, голос шёл из каких-то глубин, но был очень похож на его покойную мать. Те же интонации, та же манера говорить, и главное – полученная тогда информация оправдалась полностью.

– Скажите, а можно мне тоже позвонить, спросил он у существа.

Существо молча показало талон.

– Я куплю, сказал Димка, но по молчаливому взгляду понял, что сморозил глупость.

Вдруг всё исчезло, Димка открыл глаза и вновь очутился дома. Какое-то время он не мог прийти в себя – так смешались все впечатления, что был непонятно, где он находится сейчас. Однако вскоре острота пережитого притупилась, увиденное казалось иррациональным, и вскоре настал поздний рассвет. Заснуть в ту ночь ему так и не довелось.

Через час, когда уже было надо выходить, весьма кстати зазвонил телефон. Предстоявшая поездка, от которой он так упорно пытался улизнуть, весьма удачно отпала сама собой, и можно было наконец-то разгрести давно накопившиеся дела. Стояла глубокая осень, все ещё теплая – бабье лето никак не хотело отдавать свои права сезону дождей, предвестникам первых заморозков и длинных холодных вечеров. За окном ветер мотал кроны деревьев, пытавшихся просунуть свои лапы прямо в окна их нового дома, участок зарос травой, выросшей по пояс, цветы давно пожухли, а всё вместе навевало странное ощущение неизбежности повторения дня триффидов – фантастического романа ужасов, который он прочёл когда-то в детстве среди других произведений библиотеки приключений и фантастики, стоявшей у них дома. Родители Димки, долгое время пытавшиеся наставить его на путь истинный и заставлявшие прочитать всех русских классиков, отказались от своей, как вскоре стало ясно, бесполезной затеи, и оставили его в покое. За фантастикой последовал Джек Лондон, а место списка обязательной «для всех культурных людей» литературы заняли самые разнообразные творения авторов известных и не очень, популярных либо давно забытых. Он давно взял себе за правило делать свой выбор

самостоятельно, невзирая ни на какие условности, которые его тяготили и мешали. В результате свой путь получался не таким гладким, как у других, умевших много и хорошо говорить, давать глубокие и обоснованные оценки, рассуждать и обосновывать, поддерживать и ниспровергать, полемизировать и делать выводы, которые очень быстро опровергала жизнь. Не было у него той счастливой способности перевернуть свои доводы так, чтобы отрицая сказанное им же самим ранее демонстрировать одновременно уверенность в своей правоте и непогрешимости, или по крайней мере казаться таковым. Все бывшие коллеги уже давно «выросли», стали маленькими и большими начальниками, но карьерный рост его почему-то совершенно не интересовал. Методы, которыми они пользовались, ему как-то открыл один из заведующих НИИ: как оказалось, они были одинаковы практически везде, немного модифицировались в зависимости от специфики выполняемой работ и вызвали у него неизменное отвращение. С другой стороны, оставаться среди серой толпы клерков он тоже не хотел. Больше всего его поражало то неожиданное превращение вполне нормальных людей в полу-монстров, происходившее при малейшем изменении ситуации, а особенно в те нередкие моменты, когда все бросались исполнять немислимую идею, а скорее пустую прихоть очередного начальника. Подобные метаморфозы почти кафкианского масштаба он наблюдал не раз и никак не мог найти им объяснения.

Он давно хотел поселиться за городом, но какое-то странное ощущение возможной потери причастности ко всему происходящему в жизни города довольно долго не пускало его в этот свободный полёт.

Неожиданный настойчивый стук в дверь прервал эйфорию начинавшегося осеннего дня. Странно, подумалось ему, ведь калитка-то закрыта. На пороге стояли двое хорошо накачанных ребят, за забором урчал помятый BMW.

«Боевая машина вымогателя», сразу вспомнилась ему чья-то старая шутка, ну вот и ко мне пришли. – Хотя странно, уж от меня им вряд ли что-то обломится.



– Что надо, и как вы здесь оказались? – спросил Димка незваных гостей.

– Да так, потолковать надо, что и как, чем дышишь.

– С кем, может представиться?

– Может пустишь в дом, пока сами не вошли, – заявил парень с порезанной губой, явно недавно и наспех кем-то зашитой. Второй был спокойнее, но за этим спокойствием таилась какая-то сила, проистекавшая из явной уверенности в себе, в справедливости и правильности законов своего, мало кому ведомого мира.

Делать было нечего, и впервые он пожалел, что не поставил кнопку тревожной сигнализации, предлагавшуюся местным охранным предприятием.

– Что-ж, заходите. Вообще-то я собирался уходить, неуверенно соврал Димка, и эту неуверенность мгновенно прочувствовали незнакомцы.

– Ладно, не мельтиши. Мы не надолго, надо дело одно утрясти, – заговорил вдруг второй, явно старший по непонятной для Димки субординации.

– Да вроде дел у нас с Вами никаких нет и не было, уже увереннее заговорил хозяин дома. А если Вас интересуют мои доходы – могу показать справку, там не разбежишься.

– Ну, это нам ни к чему, мы и без справки всё про тебя знаем. А вот должок за тобой старый остался, а долги оставлять нехорошо, особенно если долго тянешь.

– Это что за долг такой, вроде никто не предъявлял, – почти на феню перешёл осмелевший Димка. – Вот мне действительно должны, и много, а я...

– Кончай пантовать, слушай сюда, – вдруг подключился тот, что со шрамом. – Гришку помнишь, того, что дом тебе строил?

– Ну да, помню конечно.

– И что?

– А так: о покойниках либо хорошо, либо никак. Я предпочитаю в данном случае никак.

Речь шла о подрядчике, строившем Димкин дом около десяти лет назад, застрелившего свою жену из ревности и покончившего потом с собой. Воспоминания эти были неприятны, но никаких долгов за строительство, обошедшегося гораздо дороже, чем предполагалось, он за собой не знал.

– Ну так вот, должок за ним, а значит теперь за тобой.

– Я ему ничего не должен, – твёрдо заявил Димка.

Действительно, отношения у них не заладились сразу, недоделок и ошибок было много, и дом достраивали уже другие строители.

– Ты про отступные слышал, – вновь заговорил старший. – Так вот, не расплатился он с нами, а дом у тебя хороший, вот и думай теперь сам.

Димка слышал про местные бандитские группировки, облагавшие строителей своими поборами в ходе строительства дач и пригородных коттеджей. Помнил он также и то, как Гришка жаловался на мздоимцев, чем и обосновывал свои непомерные расценки.

– Так Вы из налоговой? – не удержался и съязвил хозяин дома. – Тогда где Ваши расчёты, бумаги?

– Короче, платишь или как? – сорвался в крик старший. – Да и у Гришки к тебе вопросы.

– Что-о-о?

Вдруг какой-то странный звук внутри дома заставил его замереть. Один из незваных гостей, незаметно пробравшись в ходе разговора в одну из комнат, явно где-то копался, что-то выискивал в недрах его, Димкиного жилища. Тогда, резко вскочив с табуретки, он резко рванул внутрь дома, где была спрятана морская сирена, способная оглушить человека на несколько минут, которые были ему так сейчас необходимы. Но всё решилось иначе. Как-будто предчувствуя следующий ход, старший отрывисто бросил второму:

– Уходим, быстро.

Когда через секунду Димка выскочил на улицу, машина у забора уже не урчала, как не было и непостижимым образом исчезнувших собеседников. Рванув наперерез на соседнюю улицу, через которую должен был уезжать BMW, Димка не обнаружил его и там. Машина как будто испарилась, не оставив никаких следов на песчаном покрытии.

День был испорчен, ничего делать больше не хотелось. Он сел на скамейку в глубине сада и серьёзно задумался. Надо сказать, что его давно мучило какое-то почти врождённое чувство вины, непонятно за что и с чем связанное. Порой ему казалось, что всё, за что он расплачивается сейчас, происходило в далёком прошлом, к которому он не имеет никакого отношения, и, за которое, тем не менее, ему приходится нести ответственность – какой-то груз чьих-то ошибок, совершённых в другой жизни. Иногда возникали вполне конкретные лица, предъявлявшие требования компенсации за якобы нанесённый им ущерб, возбуждавшие судебное производство, угрожавшие, требовавшие, потом пропадавшие раз и навсегда. Ощущение это здорово

мешало – довольно часто неадекватно оценивая свою роль в происходившем, он принимал всю вину на себя, и это было довольно удобно для его окружения, подобного комплекса не испытывавшего. Жизнь для него давно превратилась в фантазмагорию, которой не было конца. Друзья – хотя непонятно, были ли они таковыми на самом деле – часто пользовались этой странной невысказанной отрешенностью от действительности, ошибочно воспринимая её за мягкотелость, и здорово удивлялись, когда получали твердый и решительный отпор, а вскоре исчезали вовсе. Так что дружбы не получалось, а дружить в чью-то пользу Димка не хотел и не мог. Вот и теперь обратиться было не к кому. Да и внутреннее ощущение своей правоты придавало ему какую-то силу и спокойствие, уверенность в себе, которой ему здорово не хватало. Но то, что он никому ничего не должен – он знал твёрдо и готов был отстаивать эту позицию до конца. Вся сложность состояла в том, что законы блатного мира ему были не ведомы, и как разговаривать и действовать дальше он не знал. Единственное, что смущало и одновременно немного, как ни странно, успокаивало, было чувство какой-то нереальности всего происшедшего, вызванное, несмотря на всю экстраординарность происшедшего, двумя отмеченными им обстоятельствами: почти правильной, даже несколько старомодной речью незнакомцев, мало похожих на современных отморожков, и неожиданностью, нереальностью их перемещений и исчезновения. Да и претензия, высказанная ими от имени покойника, выглядела совершенно фантастической.

Однако все эти благие мысли наталкивались на почти непреодолимое препятствие – как ни крути, а что-то надо было делать. Всем было известно, что в местной бане по вечерам в пятницу собирались какие-то крутые ребята и в эти дни жители посёлка туда предпочитали не ходить. Но что могла дать эта встреча – он не знал, да и у него не было ни малейшего представления с чего начинать разговор. Можно было найти отца Гришки, здорово сдавшего за последние годы, но и здесь особого смысла не просматривалось. Оставался только один вариант поговорить с кем-нибудь из местных жителей, которые могли что-нибудь знать.

Неподалеку, через две улицы, жил афганец который как-то рассказывал ему, что на самом деле стоила жизнь в Афганистане, и как ему удалось остаться в живых. Тогда для него стало полным откровением многое из рассказанного, и, хотя услышанное его не только потрясло, но и здорово покорило, деваться было некуда. Но намерение тотчас же заняться возникшей проблемой – а откладывать дела в долгий ящик он не любил – прервал вновь зазвонивший телефон. Звонили из фирмы, с которой он последнее время сотрудничал, давая разовые консультации и курируя некоторые контракты. Оказалось, последняя почта, которую он только вчера отправил с терминала местного кафе с сетевым доступом, не дошла. Надо было срочно ехать и повторно высылать «мыло», как нарекла новомодный способ сообщения современная молодёжь, гордо относящая себя к «Интернет-поколению».

Но ехать пришлось в офис фирмы, расположенной в самом центре Москвы. Гарантий того, что местный Интернет-провайдер обеспечит нормальную связь, никто не давал, а второго прокола он себе позволить не мог.

На фирме всё было обычно. Молодёжь едва здоровалась, с озабоченным видом проносясь мимо него по одним им ведомым надобностям, девицы бросали косые взгляды, из которых было невозможно понять – то ли это скрытое пренебрежение к Димкиной персоне, то ли оценка его возможностей и, соответственно, собственных перспектив.

Отношения с начальником складывались не очень. Это было далеко не первое место его работы с тех пор, как он решил порвать с государственной службой, где каждый только и думал о месте в какой-нибудь инофирме или СП, однако и здесь оказались свои нюансы взаимоотношений. Больше всего его коробил тот покровительственный тон, с которым разговаривали молодые и наглые менеджеры, бегавшие по коридорам с вытаращенными глазами и вытянутыми назад руками, что придавало им форму истребителя на взлёте. Однако была и проблема посерьёзнее. Руководители всех фирм, где он работал, всегда со скептическим видом выслу-

шивали высказываемые им мысли, делая вид, что они в них не заинтересованы, но потом, через некоторое время, он узнавал свои идеи в воспроизводимых ими формулировках или предложениях, исходивших на сей раз уже из их уст. Всё это сильно било по самолюбию, но природная скромность не позволяло поставить всё на свои места.

То же самое наблюдалось и здесь – шеф отличался особой велеречивостью и, не стесняясь Димкиного присутствия, на регулярно организуемых сабантуях сыпал его шутками или полученной когда-то информацией. Более всего удивил Димку эпизод, когда ровно через год после высказанного им сомнения в надёжности одной фирмы, положение в которой зависело от уже тогда вызывавших обеспокоенность контактов в госструктурах, шеф вызвал его к себе, и заявил, что он предвидел близкий крах этой компании и удивляется отсутствию аналогичной проницательности у своего сотрудника. В ответ он не стал заниматься политесами, а напрямую напомнил начальнику, что и как было на самом деле. С тех пор всякие намеки на амикошничество у начальника пропали, но работу он за собой сохранил. Единственное отличие состояло в том, то теперь он работал в режиме удалённого доступа, или напряжённого ожидания, что его очень устраивало, хотя и создавало определённые неудобства, потому что было неизвестно, что сегодня взбредёт в голову руководителям компании и куда ему придётся мчаться.

– Дмитрий Иванович, зайдите к шефу, – пропела секретарша Леночка, почти воздушное существо, если бы не её вечное «вау» и полная безграмотность, проявлявшаяся в печатавшихся ею письмах. Попытки указать на некоторые орфографические огрехи особого успеха не имели – Леночка потрясала дипломом Литературного института и вообще пользовалась особым доверием начальника, обладая, очевидно, теми достоинствами, которые старшему поколению понять было трудно.

– Хорошо, можно прямо сейчас?

– Да, он Вас ждёт.

Молодой и энергичный Иван Сергеевич закончил тот же институт, что и Димка, только лет на пятнадцать позже. Попробовав немного поработать в госорганизациях и поняв, что к чему, он резко переквалифицировался, закончил курсы финансистов и вскоре оказался востребованным специалистом, быстро выросшем на волнах перестройки и всего последовавшего за ней. Димка же был по природе своей консервативен, перемены воспринимал с трудом, а уж трепаться, выкручиваться и юлить вовсе не умел и не хотел.

– Вот что, Дим, – начал Иван Сергеевич. Дальше он стал нудно и пространно говорить о наступающих переменах в государственной политике и тех возможных последствиях для их фирмы, которые могут иметь негативный характер, а потому должны быть минимизированы. Слушая весь этот словесный понос, Димка пожалел, что он не умел так долго и образно говорить о простых и ясных вещах, которые он мог изложить в двух словах, а уж последствия нововведений предвидел так давно, что думал над этой проблемой даже по ночам. Однако прерывать шефа было нельзя, надо было изображать глубокое внимание и понимание, вовремя кивать головой, усмехаться и вставлять короткие реплики. Всё это он уже давно научился делать в полуавтоматическом режиме, одновременно думая о чём-то своём, и единственное, что его выдавало, это глаза, порой выразительно говорившие собеседнику, что он думает. На сей раз, выполняя весь обязательный ритуал поддакивания и подчёркивания, Димка вдруг задумался над прочтённым им когда-то у Ницше, что «человек – это то, что должно преодолеть». Интересно, подумал он, к кому в данном случае это больше подходит – меня преодолевает шеф, или я преодолеваю себя сам, выслушивая всю эту ахинею.

– Так что, езжайте на таможенную, – вдруг подытожил Иван Сергеевич, понюхайте, что там происходит, какие нужны документы, поговорите, послушайте, наведите новые мосты.

Димка незаметно усмехнулся – если раньше речь шла о создании концепции развития новых форм взаимоотношений с государственными органами, о партнёрстве и социальной

ответственности бизнеса перед обществом, то теперь всё сводилось к банальному поиску новых связей.

– Когда?

– Да прямо сейчас, машину я дам.

– Не надо, у меня своя, – сказал Димка. Так ему было гораздо удобнее – добровольно обрекать себя на пустые разговоры с шофёром компании, что неизбежно выльется в передачу лишней информации о нём шефу, он не собирался.

Через два часа всё было закончено, причём, как казалось, с не таким уж плохим результатом. Во всяком случае – лучшим по сравнению с ожидавшимся им перед встречей. Человек, с которым он вел беседу, выглядел вполне приятным и порядочным, вежливым интеллигентом, готовым работать по нормальным правилам. Только позже ему стало ясно, насколько глубоко он в очередной раз ошибся, приняв лукавство и скрытый подтекст за откровенность. Каждый раз встречаясь с людьми, с первого мгновения демонстрировавшими доброжелательность и стремление идти на компромиссы и открыто заявлявшими о своём положительном настроении, он сильно раскаивался позже, ругая себя за свою наивность и доверчивость. Случалось это довольно часто, но к счастью – нерегулярно, и поэтому его вера в добродетель ещё не полностью была утрачена. Однако последствия в этот раз оказались более серьёзными – невыполненные обещания чиновника вылились для него в необходимость срочной командировки в ближнее зарубежье, что снова оттягивало решение основной проблемы, с которой он столкнулся утром того памятного для него дня. Ехать пришлось в соседнюю республику, давно заявлявшую о своей общности с Россией, но никак не желавшую общность эту оформить юридически. Ему даже порой казалось, что две новоиспеченные страны находятся в странном для межгосударственных отношений состоянии гражданского брака, где один из сожителей никак не может сделать заключительный решающий шаг и отправиться в ЗАГС. Когда-то, под закат перестройки, через неё можно было вывезти чёрта с дьяволом, и никто бы не сказал и слова. Теперь же только за въезд на территорию надо было заплатить экологический налог и что-то там ещё – кажется, на ремонт дорог. «Хорошо, что за очистку воздуха не берут», усмехнулся он про себя, вспоминая, как когда-то в бассейне «Чайка», куда он ходил по абонементу от своего НИИ, от него потребовали доплату за «подогрев воды». Конечно, можно было бы напомнить о том, что дело это они затеяли ещё при одних порядках, которые обеспечивали одни чиновники и законодательные рамки, а заканчивали – при других, но оправдательные разговоры на фирме никого не интересовали.

Шеф был явно недоволен и Димке пришлось напрячь все свои старые связи, чтобы наконец-то решить столь затянувшуюся проблему. Уезжал он вполне довольный собой, хотя и знал, что последует тонкая разборка полёта с указанием на шероховатости и мелкие недочёты, за чем последует куча надуманных вопросов и предположений, к делу отношения не имеющих. К сожалению, резонёрство и демагогия оставались в почёте и у современных руководителей, и он никак не мог понять, каким образом вся эта «коммерческая структура» всё ещё продолжала работать и даже приносить доход, несмотря на страшную забюрокраченность и запутанность внутренних взаимосвязей.

По дороге ему вспомнилась автопоездка по соседним странам Балтии, которую он совершил с другом в ещё достопамятные застойные времена, и как потрясло его тогда качество дорог и стиль жизни, столь нехарактерные для всей страны. Причём начиналась эта поездка на ещё не очень раздолбанных «Жигулях» третьей модели именно с того теперь уже независимого государства, из которого он возвращался теперь. Единственное, что не изменилось, был образ мыслей и стиль руководства, а в самой столице ему даже показалось, что машина времени повернула отсчёт вспять, и он снова оказался в бывшем Союзе. Воспоминания приятно грели, как вдруг их прервал рокот мощной иномарки, обходившей их фирменный минивэн слева. Машину слегка качнуло воздушным потоком, исходящим от буквально парящего в воздухе

BMW, потом она пошла впереди, явно предлагая остановиться. Димка вопросительно посмотрел на шофёра – ехать в такую даль один он побоялся, несмотря на все ожидаемые по возвращению сплетни и кривотолки – долгого молчания в дороге он не выдерживал, а потому опять сказал много лишнего, заранее зная, что всё обязательно будет перевернуто и всячески истолковано.

Обе машины встали на обочине. Смешно, но ему показалось, что эта та самая машина, которую он видел тогда рядом со своей калиткой у загородного дома, хотя подобное относилось скорее к области ненаучной фантастики. Через минуту он понял, что никакого зазеркалья не было – к ним подходил парень с порезанной губой.

На сей раз Димка даже порадовался, что был не один: какой-никакой, но всё-таки свидетель, а уж слухи он как-нибудь переживёт, тем более, что не в первый раз.

– Ну что надо? – спросил, опустив стекло, водитель вымогателя, как его уже определил для себя Димка.

– Да вот, с пассажиром твоим потолковать хотим. Пусть выйдет.

– Ладно, только смотрите, у нас здесь всё схвачено, а вот вас, ребята, мы не знаем.

– Да ты не бойся, дело у нас к нему личное. Поговорим – и все дела.

Димка вышел.

– Отойдём, – сказал Пристяжной, как его определил для себя Димка. От парня которого веяло каким-то холодом, чуть ли не плесенью, и ещё бог знает чем. – Ты куда пропал, мы тебя обыскались, эвона куда гнать пришлось.

– Ну, во-первых пропали тогда вы, а не я, и довольно неожиданно. А во-вторых, нужен вам я, а не вы мне, так что и проблемы – ваши.

Димка страшно не любил эту формулировку, порой просто бесившую его, но в данном случае фразеология была исключительно уместной.

– Ну вот что, расплата – когда и будет или нет, а то и разговор иной.

– Что Вам надо, сколько и за что. У меня долгов нет, я Вам сказал, Вас я не знаю. Хотите – будете разговаривать с нашими сотрудниками безопасности.

Димка совершенно неожиданно вспомнил о службе охраны фирмы, где было много бывших сотрудников из спецслужб, оказавшихся не удел или ушедших на пенсию и сидевших теперь у них на фирме.

Такого поворота Пристяжной явно не ожидал.

– Ну ладно, ты того, пока расслабься. Мы тут ещё с де.. ну, в общем, потолкуем кое с кем, потом всё объясним. А пока бывай.

Парень быстро побежал к своей машине, хлопнул дверью и вымогатели быстро унеслись.

– Что, достают? – поинтересовался шофёр. На сей раз Димка откровенничать не стал, всё было слишком странно и одновременно – серьёзно. Однако идею обратиться к охранной службе фирмы он не забыл и первым делом решил заняться этим делом. Однако надо было всё же посоветоваться с шефом.

Внимательно выслушав его, шеф, как всегда, принял задумчивый вид, как-будто у него зрело решение теоремы Ферма, потом стал рассуждать.

– Понимаешь, дело такое, что если ты действительно что-то должен, а мы вяжемся, то появятся ОМОН, прокуратура, будет скандал и так далее, а нам это совсем не надо.

Всё остальное Димка уже не слушал, впав в своё обычное состояние полумедитации и кивания головой, размышляя при этом о том, что делать дальше.

– Так что ты как-то подумай, что тебе лучше, и приходи, советуйся, не стесняйся, – подытожил вдруг шеф. – Ну давай, а то дел много, сам знаешь, в каком мы положении.

«В каком ты положении», – подумал Димка, но протянутую для прощального хэнд-шейка руку пока отталкивать не стал.

Шли дни, но ничего не происходило. Время для Димки как будто остановилось или даже пошло вспять. Особенно тягостным было чувство ожидания, обострявшееся ощущением неизвестности и серьёзности происходящих вокруг него событий. Порой ему казалось, что жители посёлка, удивлённые поначалу столь странным решением вполне успешного городского жителя, теперь сочувственно смотрели на него, зная что-то, что от него упорно скрывалось.

Вдруг неожиданно к зашёл сосед. Дима давно присматривался к этому ещё не старому, но сгорбленному жизнью и проблемами человеку, и один его вид вызывал какое-то чувство внутреннего уважения. Прожить всю жизнь в деревне, ничего не увидеть, и сохранить такую силу духа дано было не каждому.

– Вижу я, парень, проблемы у тебя, вроде ищешь кого-то.

– Ну да, только сам не знаю – кого и зачем. Приходили тут двое, да ничего определённого не сказали. Вот теперь жду, что дальше будет.

– Вот что, есть здесь какая-то странная парочка. Откуда они – никто не знает, ездят на старенькой иномарке, определенной работы у них нет, стригут по мелочам, к никаким группировкам не относятся.

– И к чему они имеют отношение, в таком случае, и причём тут я?

– Ну, ты это с ними сам разбирайся, а я тебе вот что скажу: живёт тут один дед-отшельник, вроде как нет его, а живет. Вот ты с ним и поговори, может подскажет что. На людях он давно не появлялся.

– А где найти его, да и зачем он мне?

– А ты слушай, не перебивай. Видели его у твоего дома как-то, чего делал – не говорят, но дед не простой, из древних. Вот и сходи к нему – сказывают, у старого бочага он обитает, людей чурается. Бочаг-то знаешь где? Хорошо, там и ищи.

Димка хорошо представлял упомянутое соседом место – в этом подмосковном лесу он гулял с детства, изучил чуть ли не каждую тропку, и бочаг, на который они ходили когда-то с отцом, помнил прекрасно. Дождавшись окончания дождей, он сразу туда и отправился, хотя сильное сомнение не покидало его: какие тайны может хранить искусственно посаженный лес, да и к тому же всего в двадцати километрах от МКАД

Тропинки, знакомые ему ещё с того благословенного и так не ценимого нами времени, которое зовётся детством, здорово заросли, было мокро, а лесом явно давно никто не занимался. Везде валялись пластиковые бутылки, полиэтиленовые пакеты, пустые консервные банки и остатки прошедших пиршеств. Культурой отдыха здесь никто не грешил. Шёл он долго, часа полтора, перебираясь через поваленные деревья и буйно колосившиеся травы, и едва не проскочил почти забытое им место.

Бочаг в глубине леса почти окончательно зарос – было видно, что сюда уже давно не заглядывали. Всё сильно изменилось – бревно, по которому он ходил с отцом на другую сторону, сгнило, осока покрыла всё зеркало воды, и только по маленькой луже, в которую превратился перекрытый самодельной плотиной лесной ручей, носились многочисленные водомеры. И тут память четко нарисовала ему картину из далекого прошлого – семейные пары с детьми, пришедшие сюда искупаться, молодежь, уныло убивающая время под треск «Спидолы»; кто-то играет в бадминтон. Он даже вздрогнул, но искомого явно не наблюдалось. Ничего не оставалось, как вернуться домой – адрес ему дали неверный. И тут, уже собравшись уходить, он обратил внимание на свежую тропинку, шедшую в обход бочажка. Трава была примята, роса на стеблях отсутствовала, и внутренний голос подсказывал ему, что надо идти вперёд.

Теперь пришлось пробираться через бурелом – несколько штормовых ударов стихии не прошли даром и для этого места, и теперь всё гнило, стволы поваленных деревьев покрывались наростами и паутиной. Неожиданно лес немного расступился и под старым ветхим дубом он увидел что-то вроде землянки, но без накатов, с островерхим подобием крыши. Димка

подошёл к землянке открыл, не стучась, дверь. Внутри было сыро и мрачно, никакой мебели не было, за исключением одинокого стола, хотя определённый уют он всё же для себя отметил.

За столом сидел старик, потягивая чай из старой эмалированной кружки довоенного образца.

– Здравствуйте, – неуверенно промямлил Димка, – я, наверное, к Вам.

– И-и-и-и, – потянул старичок. Давно я тебя не видел, много воды-то утекло.

– А Вы кто? Мы никогда, кажется, не встречались, – неуверенно произнёс Димка.

– Ну как же, а крышу-то тебе кто делал, не помнишь?

– Ну да, – вдруг вспомнил Дима. – Так постойте, Вас же уже давно, говорили, как вроде... – И сам испугавшись своих слов, вдруг добавил: – Так ведь нет Вас, ушли Вы.

– Это ты правильно говоришь, что вроде. И что ушёл. Да только для кого как – для одних ушёл, а для себя – пока не могу, всё думаю.

Димке стало страшно.

– Ну а я то что, ко мне у Вас какой счёт?

– Это верно, к тебе счёта нет, а вот в доме твоём оставил я кое-что, забрать бы надо.

– Так что за проблема – пришли бы, да и взяли. Мне чужого не надо.

– Эх, парень, не могу я, покойник вроде для всех в деревне. Вот и надо, чтобы кто помог.

– Так это Ваши помощники ко мне приходили, настроение только испортили.

– Ты, парень, на них не сердчай – молодые они, горячие. Ну, шустрят иногда – жить ведь хочется, ну а я им помогаю, чем могу. Когда надо – подскажу, где опасность – отведу. Я тебе ещё тогда говорил, что образование у меня – всего четыре класса, а видеть – вижу сразу, что и как. Вот так-то. Ну да ты не бойся, ты, я посмотрю, вроде паренек правильный, только тушуешься больно. Ты садись, не стой в дверях.

И тут Димку осенило. Это же тот самый шанс, который так неожиданно преподносила ему судьба второй раз. Он сел за стол.

– Извините, не помню, как Вас звать, хотелось бы поподробнее – не расскажете мне о себе, где жили, почему оказались здесь.

– М-да, – протянул, прищурившись, дед. – Ладно, больше, чем следует, всё равно не скажу, да и интерес твой я знаю.

– Ну так скажите, Вы же жили в новом посёлке, а что случилось потом?

– Да не с потом, а с ранее того надо начинать. Из кашеевых мы, может слышал, грехи бы нам надо было отмаливать, а я пока жил – всё недосуг было, вот родовое проклятие и тянется, не отпускает. А в доме твоём, когда крышу стелил, вещицу я одну оставил, под кровлей рядом с трубой, завернуто в тряпицу. Ты её достань, да не смотри, а то всем плохо будет. Тебе до неё дела нет. А я потом скажу, что делать, вот и весь сказ. Поможет она мне, а я – тебе. Понятно говорю-то?

– Понятно.

– Понятно, да видать не очень. Ты вещицу эту мне принеси, а что делать – скажу после. Сам-то я не могу разделаться, да и всем больше пользы будет, ведь ненароком и тебя зацепило.

Тут всё стало ясно – мелкие проблемы, ставшие постоянными в последнее время болезни, всё шло отсюда.

– Хорошо, когда?

– Завтра, в это же время. Ну бывай, недосуг мне тут с тобой, дел много всяких, ведь один я.

– Постойте, у меня просьба одна. Мне бы своих повидать, поговорить надо, а как – не знаю. Поможете?

– Эх, непросто это, ну да ладно. Может и помогу, посмотрим, не всем дозволено, да и обид у твоих много накопилось, потому и молчат давно. Вижу, гложет тебя, и видать сильно. Ладно, сделаю.

На том и расстались. Димка не шёл, а летел домой, штопором взмыл по лестнице наверх, открыл чердачную дверь. Под крышей было тепло и сухо, пахло деревом, капельки смолы, как слёзы покрывавшие стропила, отражали редкие лучи солнца, создавая вокруг янтарный блеск. Он засунул руку под трубу и почувствовал что-то мягкое и, как сказала бы его бабушка, вохкое, завёрнутое в ветошь. Положив вещицу в пакет, Димка выполз из-под крыши и спустился вниз. Ждать оставалось недолго – всего сутки.

На следующий день было ветрено и неуютно, собирались грозовые тучи, вот-вот, казалось, полыхнёт молния и прольётся хорошим осенним дождём. Димка быстро собрался, схватил пакет и, не чуя под ногами земли, понёсся в лес. На этот раз дорога ему показалась гораздо короче. Дед был на месте и, как видно, ждал его с нетерпением.

– Принёс? – не тратясь на приветствие, спросил старик. – Ну так давай, настало времечко. Димка протянул пакет.

– Молодец, что не смотрел, а то худо было бы, – похвалил его старик. – Теперь так: пойдёшь к бочагу, макнёшь, потом под деревом зароешь и вернёшься. Сам я не могу, нельзя мне. Что будет необычного – не бойся, назад не смотри. Понятно говорю-то? Ну давай, не тяни.

Всё сделал Димка, как учил дед. Вещица, как обмакнул, вроде живая стала, зашевелилось в ней что-то, и он быстро, с отвращением, запихнул ожившую гадость в корень дерева, отвернулся и побежал не оборачиваясь. Что-то ухало, скрипело, потом затихло. Вся природа тоже успокоилась, ветра больше не было.

Старик ждал там же.

– Ну что, всё сделал?

– Всё как учили.

– Молодец, и я теперь всё, пора мне. А ты не думай, наладится теперь у тебя, как захочешь – так и будет.

– А как же мои, вы же обещали!

– А ты глаза закрой – и всё знать будешь. А я подсоблю, о плохом не думай, только сделаю это раз, и больше не приходи сюда. А что понадобится – передашь ребятам, внучки они мне. Да они не больно шаловливые, ребята спокойные. «Ну да, зашибут и не заметят», – подумал Димка.

– Ты давай, закрывай, иначе не будет ничего.

Димка прищурил глаза – и здесь всё ему открылось. Понял он многое, обиды все высказал, все ответы услышал. Где был прав, а где виноват – узнал. Когда вернулся – дед исчез. На столе медленно испарялось мокрое пятно от чая. Чашки не было. Но наступило какое-то внутреннее спокойствие, появились силы, и перспектива ему виделась чёткая и ясная. Теперь он точно знал, какие шаги он должен сейчас сделать и что за ними последует.

\* \*

Дмитрий Иванович проснулся в понедельник рано. «Приснится же такая чертовщина, надо поменьше крутиться на даче, а то совсем загнусь», сказал он себе. Дождь всю барабанил в окно, выбивая мелкую дробь на подоконнике. Все суставы после вчерашнего переезда здорово ныли, спина едва разгибалась. «Эх, вот сейчас застрять там – и ангина обеспечена», подумалось ему.

Однако пора было ехать на работу. Водитель уже стоял внизу, поджидая появления своего шефа и выказывая явное нетерпение поделиться последними фирменными сплетнями. Дмитрий Иванович, будучи человеком терпимым и объективным, наушничества всё-же не чурался, полагая, что знание некоторых деталей из личной жизни сотрудников поможет в нужный момент либо проявить великодушие, либо, если понадобится, выкрутить руки. А что делать – с тех пор, как акционеры сделали его директором фирмы, приходилось крутиться, уговаривать, врать, обещать, всё-время куда-то звонить, с кем-то встречаться, жать руки, широко улыбаться и высказывать неподдельный интерес к чужим проблемам.

В приёмной на боевом посту уже сидела длинноногая секретарша Леночка.

– Дмитрий Иванович, доброе утро елейным голоском пропел Леночка. Как прошёл Ваш уик-энд, хорошо отдохнули?

– Спасибо, вызовите ко мне Николая, когда появится.

– Хорошо, Дмитрий Иванович. Может быть чаю?

– Минут через десять, мне надо срочно позвонить.

Дверь закрылась. Дмитрий Иванович никак не мог решить, что ему делать с этой нахальной выскочкой, доставшейся ему в наследство от предыдущего руководителя – то ли выгнать за полную профнепригодность, то ли сделать своей любовницей. Единственное достоинство этого молодого и уже познавшего все тонкости работы в коммерческой структуре существа, было почти артистическое умение крутить в нужный момент задницей перед посетителями, что, кстати, порой неплохо помогало привлекать новых клиентов.

По утрам Дмитрий Иванович любил пройтись по рабочим местам, перекинуться парой фраз, поинтересоваться, как дела, у кого какие проблемы. В глубине души ему было противно – играть в демократию он не любил и получалось довольно неловко, поскольку смотреть в лица тех, с кем ещё недавно он сидел бок о бок, было для него ещё не совсем привычно.

Глядя на молодёжь, упорно разглядывавшую экраны компьютеров и, очевидно находивших там что-то, столь необходимое для процветания фирмы, Дмитрий Иванович снова позабывал умению каждого найти обоснование своей деятельности, «позиционироваться», как часто доводилось теперь слышать на рабочих совещаниях. Дмитрий Иванович порой был также вынужден отдавать посильную для него дань неологизмам эпохи информационных технологий, хотя и крайне их не любил. «Разогнать бы половину – делу бы нисколько не повредило» – пришло в голову. «Спокойно, видимо, сказывается дачная усталость» – одернул он себя. При этом Дмитрий Иванович прекрасно понимал, что реализовать идею не удастся – у каждого за плечами стоял хороший покровитель, и ущерб для дела от увольнения новоиспечённых бездельников мог бы приобрести катастрофические масштабы.

Тут он вспомнил, что кто-то из них передал ему недавно записку о социальном партнёрстве, о роли бизнеса в обществе, новых методах и так далее. «Интересно, куда я её запихнул. И надо не забыть позвонить на таможду – новый начальник отдела там вроде-бы из нашего института, только заканчивал позже. Может и найдём общий язык, вместе пообедаем» – чуть ли не вслух подумал Дмитрий Иванович.

Размышления прервал немолодой сотрудник, который ждал на фирме наступления пенсионного возраста и занимался стратегическим планированием и вопросами развития бизнеса. В принципе раньше у них складывались вполне приличные отношения – во всяком случае, можно было перекинуться парой слов и даже порой прийти к общему пониманию каких-то явлений.

– Можно мне к Вам зайти, Дмитрий Иванович? У меня тут дело одно деликатного свойства.

– Да конечно, и почему на Вы?

– Ну так...

– Да ладно, кончай ерундой заниматься, и давай заглядывай.

Дело оказалось действительно деликатное – на его сына наехали какие-то рэкитёры и надо было помочь через службу безопасности. Ввязываться в предстоящую разборку Дмитрию Ивановичу никак не хотелось.

– Вы понимаете, Сергей Петрович, – затянул как заученную кантилену Дмитрий Иванович, – вот если бы вчера, а сегодня уже не знаю, как и быть. Начальник отдела охраны и информационной безопасности с завтрашнего дня уходит в отпуск, а ребятам сейчас и так тяжело. Ну, что-нибудь обязательно придумаем, Вы не волнуйтесь так. Возьмите отгул, отдохните, приходите в себя – и звоните, заглядывайте, хорошо?

Выпроводив посетителя из своего кабинета, он молча подошёл к широкому окну, только недавно установленному в его кабинете, и задумался. М-да, многое изменилось, пятнадцать лет назад, на закате перестройки он и не думал о возможных масштабах перемен и как найдёт в них своё место. Быстро же закончился период революционной романтики, только вот профессия моя.. Жаль, ну да ладно, переживём как-нибудь.

В общем, начиналась новая рабочая неделя.

\* \* \*

Загородный дом стоит на прежнем месте, как бы слегка возвышаясь над остальными. Зимой в нём никто не живет, хозяин приезжает сюда с семьёй летом и иногда, в погожие дни, осенью. Старик пропал совсем, бочаг зарос окончательно, избушка сгнила и развалилась. BMW тоже больше не появлялся и двоих ребят никто нигде больше не видел.

## Дневной гость

Он появился днём, внезапно, после обеда. Просто зашёл в комнату, представился вежливо, сославшись на моего тогдашнего шефа.

– Дмитрий Алексеевич, руководитель фирмы. Мне рекомендовано к Вам обратиться. Не посмотрите ли перевод – он небольшой, а переводчица у нас молодая, ещё неопытная, хотя язык вроде знает.

Текст был действительно короткий, перевод казался вполне профессиональным, даже местами виртуозным, что сразу привлекало внимание. Но что-то всё-таки резало «слух». После повторного прочтения стало ясно: как всегда, за основу перевода был взят не общепринятый английский деловой стиль, а наш, исконно российский, бюрократически выпященный, тяжело-весный, где за длинными оборотами таился едва уловимый смысл.

Исправлять пришлось недолго – короткими предложениями и изменением пунктуации быстро достигался результат.

– Ну вот и всё, держите.

– Спасибо, оперативненько. Ну и как Вам перевод, – поинтересовался «податель», – неужели сплошные ошибки?

– Да нет же, просто у каждого – свой стиль. Десять переводчиков посади – у каждого будет новый вариант.

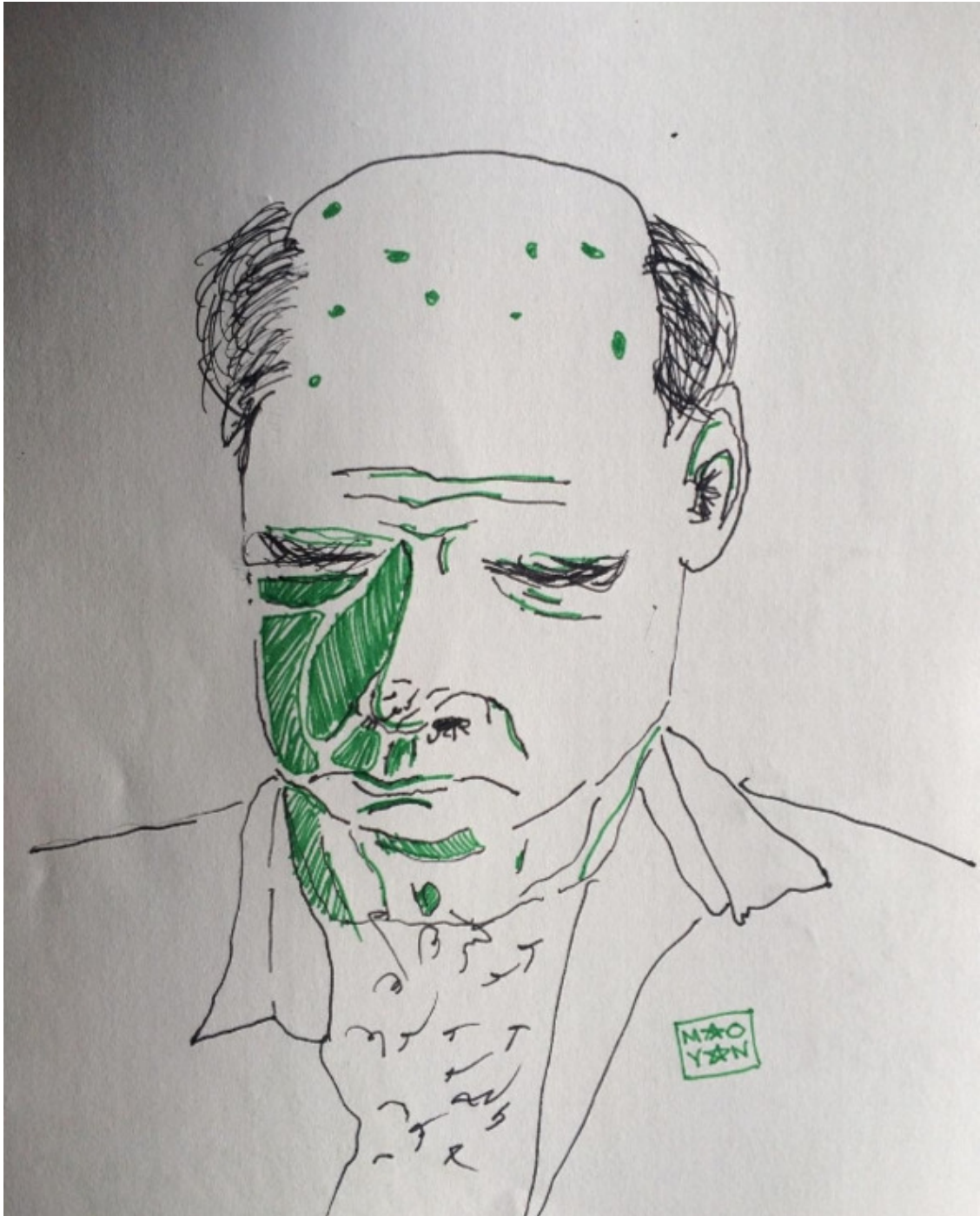
– И как было, что за вариант – не очень?

– Так не скажу, вполне приемлемо, порой даже ловко расшарено, но стиль нужен другой, больше похожий на английский – это аксиома. А если переводить дословно, то будет сплошной русизм. Кстати, о коллегах по «цеху» говорить плохо у нас не принято, хотя в этом «цехе» я уже давно не состою.

В общем, мы разговорились. Собеседником он казался оригинальным, многое видел иначе, всем интересовался, оценки и заключения звучали нетрадиционно. Внутреннюю уверенность подчёркивала офицерская стать и хорошо отработанные формулировки, звучавшие безукоризненно. Казалось, ему было ведомо нечто, какая-то недоступная тайна, которая даёт возможность решить любую проблему, что в сочетании с внешним спокойствием вызывало доверие – составляющая лидерства.

– И обязательно должен быть административный ресурс. Что бы ни говорили, а без него – никак!

Сразу стало понятно, зачем он приходил к шефу. Его административный ресурс был безграничен, над ним стояло всего несколько лиц, выше – звёзды. Синекура давала шефу огромные возможности, чем он с успехом пользовался, постоянно занимаясь самопиаром. Да и содержание только что отредактированного письма подтверждало мои соображения: по форме стандартное, оно давало фирме моего посетителя индульгенцию от любых посягательств извне и по сути худшим образом опровергало многократно заявленный нашими государственными бонзами тезис о свободе предпринимательской деятельности в стране.



– Ладно, вижу, Вам не этим надо заниматься, – подвёл черту Дмитрий Алексеевич. – У нас скоро будет приём новых сотрудников, так что посмотрим. Я наберу.

Взяв у меня визитку, он удалился.

«Набрал» он не скоро, да и то по поручению моего шефа. Шли тяжёлые переговоры о создании новой структуры, а поскольку форма взаимоотношений её будущих участников была определена недостаточно чётко, не говоря уже об ожидаемой выгоде, то решили для начала привлечь лиц наиболее зависимых от «кормила». Вот тут и раздался давно обещанный звонок.

– Это Дмитрий, мы встречались.

– Помню, как же... А куда это Вы запропалились?

– Да всё дела. Что там за совещание и где? Шеф просил подъехать, а я не очень понял, в чём суть.

Я рассказал.

– Ну отлично, вот и увидимся. Потом где-нибудь посидим, потолкуем. У Вас время найдётся?

Времени у меня хватало, я не отказывался.

В назначенный день он сел рядом со мной, что-то шептал на ухо, по ходу переговоров делал свои комментарии. Иногда взывал к моей инициативе.

– Ведите дискуссию, они же не в ту степь забрались.

Переговоры действительно ни к чему не привели. Договорились встретиться снова, хотя в успехе предприятия я сильно сомневался. Время показало, что сомнения мои были небеспочвенны.

Наконец бесконечные препирания закончились. Я повернулся к соседу – но тот уже шёл к выходу, устремившись немигающим взглядом к спасительному проёму в двери.

На улице шёл дождь со снегом. Пороша. Было неуютно, добираться до ближайшего метро пришлось долго, хотя приватизированный каким-то чудом особняк – памятник истории – находился в самом центре Москвы. Перспектива просматривалась плохо.

Дабы не утомлять читателя долгими экскурсами в дальнейшие события, перейду сразу к следующей картине (представьте, что вы – в «синема-парке», как сейчас принято называть изобретение братьев Люмьер, на которое ещё не нашлось русского конкурента, претендующего на пальму первенства).

Итак, небольшой офис рядом с третьим транспортным, состоящий из двух комнат: шефа (теперь это Дима, мы уже на «ты») и зала, для остальных. Есть и третья комната, представляющая собой отгороженное от торца коридора помещение, так что её в расчёт не берём.

Всё чем-то заняты – бумаги, прозрачные файлы, папки, компьютеры. Радостно встречаются друг с другом, как будто минула вечность, потом исчезают в недрах кабинета Димы, где стоит огромный аквариум и постоянно звучит музыка от «Европы плюс». Получив благословение шефа, выходят, что-то пишут, куда-то звонят.

Моя очередь зайти. Дима доброжелательно улыбается, жмёт руку, приглашает присесть.

– Всё, как договаривались. Ты – наш партнёр по бизнесу.

Я оторопеваю.

– Какого бизнеса? У меня своего бизнеса нет.

– Так приведи к нам кого-нибудь, предприятие какое-нибудь, мы контракт с ними подпишем и процент от сделки – твой!

– То есть я – не сотрудник. А как тем временем с зарплатой?

– Хороший вопрос. Основной доход – как я сказал, но будет и ежемесячный минимум. Устраивает?

– М-да, устраивает. Ну а рабочее место, график?

– Думаю, пока ходить сюда каждый день не надо. Вот скоро снимем новый офис на Арбате, тогда конечно. Пока что всё. Кстати, а что это у тебя?

В руках я держал табель-календарик на незнакомом для своих новоиспечённых «партнёров» языке с летоисчислением, отличным от нашего, грегорианского.

– Лунный календарь, по нему у нас сейчас 1429 год.

– А можно я его себе возьму? – вдруг ошарашил Дима.

– Но он у меня один, принесу ещё, новый, год уже на исходе.

– Ну тогда я его фотографирую.

Дима быстро достал цифровик, сделал пару снэпов. Комната на мгновение озарилась фиолетовыми бликами от мощной вспышки.

– Всё, спасибо. А сейчас мы спешим на переговоры, так что пока. Я наберу.

Тогда я ещё не знал, что этот шаблон заложен в него, как в автоответчик, а данная манера общения станет лейтмотивом на все время нашего «партнёрства».

Прождав пару недель звонка от Димы, я «набрал» сам, но трубку он сразу бросил, едва заслышав мой голос. На повторные звонки никто не отвечал, время шло. Тогда я решил позвонить в офис. Трубку взяла секретарша – студентка с вечернего факультета, коротавшая дневное время на работе.

– Скажите, а где наш начальник? – поинтересовался я. – Почему-то телефон не отвечает, сам он не перезванивает.

– Вы знаете, он домашними делами занят, сына устраивает в институт, так что здесь почти не бывает.

Всё вроде вставало на свои места, как вдруг, дня через три, телефон зазвонил, определитель показывал номер Димы, но из мобильного зазвучал чужой голос.

– Это Игорь, помощник. Дима отъехал в командировку, оставил мне свой телефон. Вот увидел Ваш номер, решил перезвонить. Что случилось?

– Все дела стоят, есть интересные предложения, надо обсудить.

– Не беспокойтесь, Дима скоро вернётся, тогда и поговорим.

– А давно он уехал? – без какой-либо задней мысли поинтересовался я, скорее чтобы поддержать беседу.

– Уже неделю отсутствует.

Я не стал уличать помощника в откровенной лжи – слишком нереальной казалась ситуация, и главное: враньё было совершенно бессмысленным.

Дима позвонил через два дня.

– Ты куда пропал?

– Никуда не пропадаю, – уверенно чеканил «партнёр», – здесь я, на месте.

– Как съездил, успешно?

– Нормально.

– Дело в том, что у меня есть интересное предложение, надо встретиться. Ты когда сможешь?

– Пока не знаю, только вернулся. Может быть, завтра – я наберу.

В трубке звучали отбойные гудки. Набрал он через четыре дня, к концу обеда.

– Приезжай, поговорим, что там у тебя. Жду.

Несмотря на лёгкое недомогание, я сразу рванул в офис. Рабочий день близился к концу, улицы были забиты машинами, ехал долго. К шести был на месте.

– Ну что там, рассказывай, а то времени мало, поздно уже.

Я рассказал. Ехать следовало в одну из ближневосточных стран, где у меня сохранились неплохие связи, которые я хотел реанимировать. Дима всё выслушал, вдруг быстро согласился.

– Едем, – подвёл он итог, – будем расширять связи, молодец.

– Но когда, ведь скоро Рамадан, а тогда всё будет сложнее.

– Решим, – потянул Дима, – что за спешка. Я наберу.

Истины ради скажу, что решилось всё относительно оперативно, за полтора месяца, и вскоре мы сидели в самолёте. Правда – в разных салонах: я – в эконом-классе, он – в бизнесе.

Город встретил приветливо – огни вдоль отличных дорог (всё-таки развивающаяся страна), сверкающие стеклянные витрины, фруктовые развалы. Я всегда был равнодушен к этой стране, где мне довелось поработать полтора года в середине бурных 90-х. Имя ей – Сирия, и не любить её, по-моему, невозможно – не только благодаря обилию исторических мест (но и не в последнюю очередь). Так, достаточно подняться на гору Касьон, защищающую Дамаск от средиземноморских ветров и песчаных бурь, и вы попадаете в т.н. «кровавую пещеру» – место, где совершилось первое библейское преступление: убийство Авеля Каином. Совсем немного отъехав от города можно оказаться в атмосфере совершенно уникальной –

мире раннего христианства, где до сих пор говорят на западно-арамейском диалекте, языке Христа. Здесь, в 50 километрах от Дамаска, на склонах гор амфитеатром раскинулась деревня Маалюля.

В общем, описание исторических мест может стать бесконечным. Это и Пальмира (настоящая, не северная) – древняя сирийская столица, город гордой царицы Зенобии, и Босра, где проходят музыкальные фестивали, храмы Сафиты и горные курорты Машта Хелу (где, кстати, в начале прошлого века находилась одна из русских православных школ), а также библейская Хама, где до сих пор с пронзительным скрипом несут воду на акведуки деревянные водоподъёмные колёса. Последний пример – цепь замков крестоносцев, свидетелей двухвековой религиозной войны, нависающих с востока и обращённых к морю. А очарование сирийских морских городов не передать никакими словами.

Сирийцы встретили доброжелательно (пожалуй, это одна из наиболее гостеприимных по отношению к нам стран, причём доброжелательность вполне искренняя, не деланная). Дима на переговорах обещал много, всё должно было пойти, как по маслу, на что и мы и сирийцы очень надеялись.

Вечером пошли по городу. Двое местных жителей, отчаянно жестикулируя, что-то бурно обсуждали

– А о чём они говорят? – поинтересовался мой спутник.

Таких вопросов за свою трудовую биографию я наслышался немало, ответ у меня был всегда один:

– Не знаю, к чужим разговорам не прислушиваюсь.

– Ну а всё же? – настаивал собеседник.

– Видите ли, говорят они на своём, местном диалекте, которым я не владею. Я изучал классический язык – язык книг, газет, кино, театра, а местных диалектов очень много, все их выучить невозможно, да и нужно ли? Например, север не понимает юг, представляете?

– Ну а чем отличается диалект, – не унимался Дмитрий, – может, что-то можно понять?

Подобная настойчивость мне казалась совершенно непонятной, а по такому ничтожному поводу даже странной.

– Ну, – приступая к лекции, завёл я, – представьте себе, что в слове магазин Вы переставили ударение и поменяли буквы местами. Как Вы думаете, это можно понять, да ещё при беглой речи?

– Ага, теперь понятно.

Дима схватил мобильник и быстро набрал Москву.

– Ты представляешь, – распинался он перед кем-то в Москве, – здесь все говорят на диалекте, да ещё каком! Ничего не понять.

Мы шли дальше, на горе, защищающей город от средиземноморских ветров, уютно сверкали огоньки. Воздух был сухой и тёплый, вечер выдался отличный – то самое переходное время, когда ещё не началась жара и можно спокойно ходить по улочкам старого города. Так мы дошли до знаменитого рынка Хамидийя, который хорошо помнил наших челноков – побочный продукт перехода к капитализму времён российских младореформаторов.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.